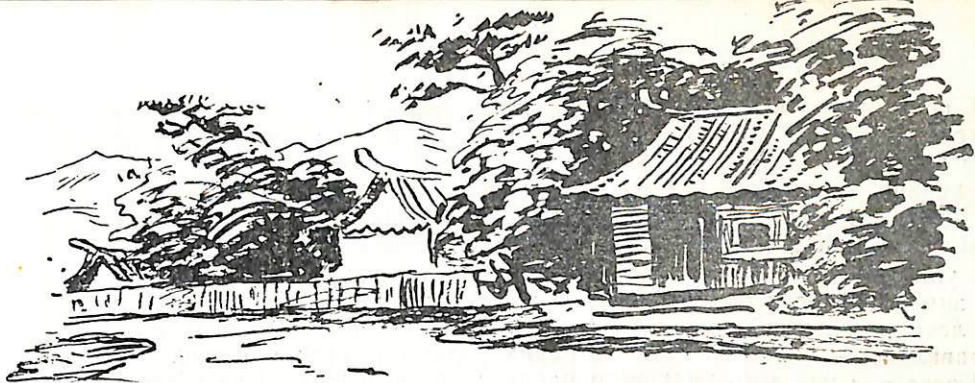




Ли Чжунь (р. 1928) — молодой китайский прозаик. Начал писать в 1953 году. Автор повести «Когда тает снег» (1955). Недавно в Пекине вышел сборник новелл Ли Чжуня 1955—1957 годов — «Когда зацвел тростник». Публикуемый рассказ взят из этого сборника.

Ли Сы-сяньшэн — не настоящее его имя. Жители деревни почтительно именуют своего врача, знатока народной медицины, «сяньшэн» — «господин» и, так как он четвертый сын в семье, зовут его Ли Сы-сяньшэн — «господин Ли-четвертый».

Это худой, высокий старик; с подбородка у него свисает редкая борода. Был он неразговорчив и целыми днями пропадал за деревней — пас двух своих баранов.

Когда мы впервые зашли к нему, старика не было дома — он ушел на пастбище. Встретившая нас старушка сказала жене: «Вечером сама приходи с ребенком, а то у моего старика чудной характер — он почему-то не любит лечить кадровых работников».

Все это было непонятно, но, во избежание излишних неприятностей, я остался вечером дома. Когда жена вернулась, я спросил:

— Ну, что он сказал?

— Ничего особенного. Оказывается, он меня знает. Увидел, что я пришла на прием, надел очки и говорит: «Вы знаете, как я лечу. Мои лекарства — металл, дерево, вода, огонь, земля. Иными словами — пережитки феодализма». Я отвечаю: «Все равно. Лишь бы болезнь прошла». Он осмотрел ребенка, выписал рецепт и сказал, что двух приемов лекарства будет вполне достаточно — мальчик поправится. Я сразу поверила ему, так как диагноз он поставил очень уверенно...

Я был очень удивлен. Встретив вечером председателя кооператива Юнь Шэна, я все рассказал ему. Юнь Шэн рассмеялся: этот Ли Сы-сяньшэн — обыкновенный крестьянин, только характер у него всегда был странный. Отказывается лечить кадровых работников, и все из-за

какого-то пустяка, случившегося год назад. Не поладил он с одним пациентом — руководителем технической станции.

На другой день я увидел Ли Сы-сяньшэна на улице. Прикрывая ладонью глаза от солнца, он стоял у доски с газетой и читал научно-популярную статью «Каковы размеры земного шара». Иероглиф за иероглифом разобрал он больше половины статьи, а затем, бросив читать, сказал вслух:

— Хэ! Какой-то шар? Спокон веку известно, что небо круглое, а земля квадратная. Хэ! А как написан иероглиф «ци» в слове «кунци»? Раньше так никогда не писали, — ну точно иностранное слово!

Он говорил с явным ожесточением. Увидев меня, потупил глаза, потрепал свою бородку, звучно откашлялся и ушел по боковой улице.

Собственно говоря, я хотел сказать ему, что мой сынишка поправился, но так и не успел.

Позже, встречаясь с ним на улице, я всегда замечал его неприветливый взгляд. Меня удивляло все это, и мы с председателем кооператива решили побеседовать с Ли Сы-сяньшэном по душам...

Однажды, возвращаясь с поля, мы увидели, что Ли Сы-сяньшэн разговаривает в саду с деревенскими стариками. Юнь Шэн тихонько потянул меня за руку, и мы спрятались за деревом у колодца. Но старик заметил нас и сразу напустил на себя безразличный вид, повернулся и погнал своих баранов.

Юнь Шэн не обиделся. Он подошел к старику и завел с ним разговор. Когда я догнал их, председатель оживленно рассказывал про какого-то больного, которому не могли помочь средства европейской медицины, а народный врач сразу вылечил его. Ли Сы-сяньшэн удовлетворенно усмехнулся. Юнь Шэн заговорил о том, какое огромное внимание уделяет народной медицине Мао Цзэ-дун, как часто об этом пишут в газетах. Ли Сы-сяньшэн, взвол-

нованный, остановился и в упор посмотрел на председателя:

— Это правда?

— Не веришь — почитай газеты. Как раз третьего дня была большая статья об этом. В ней говорилось: «Кто сказал, что китайская медицина устарела? Несколько тысячелетий в Китае не знали европейской медицины, — как же тогда лечили больных?..»

— Правильно, — перебил Ли Сы-сяньшэн. — Когда я лечил того кадрового работника, он сказал, что мои «металл, дерево, вода, огонь и земля» — это пережитки феодализма. На самом-то деле мы имеем в виду сердце, печень, селезенку, легкие и желудок. Что же, значит, слабость, озноб, жар — это тоже пережитки?

Долго еще говорил Ли Сы-сяньшэн и наконец спросил:

— Итак, по твоим словам выходит, что Мао Цзэ-дун защищает китайскую медицину?

— Конечно. И не только Мао Цзэ-дун... — Юнь Шэн не успел закончить, как Ли Сы-сяньшэн прервал его:

— Отлично!

Он повернулся и, радостный, погнал своих баранов, но тут же снова остановился:

— В Пекине тоже есть врачи народной медицины?

— Очень много. А некоторые из них — даже депутаты...

...И вот, как ни удивительно, после этого разговора Ли Сы-сяньшэн перестал пасти баранов. По деревням разнеслась весть о том, что он снова принимает больных. Все больше и больше крестьян приезжало к нему.

Зимой прошлого года в деревне Тайпинтунь начался подъем кооперативного движения. Крестьяне массами шли в кооперативы высшего типа; вместе со всеми вступил в кооператив и Ли Сы-сяньшэн. Позднее, когда кооператоры решили создать медицинский пункт, все высказались за то, чтобы руководил им Ли Сы-сяньшэн.

Его пригласили на первое же собрание бригадиров и кадровых работников. Он пришел раньше всех, торжественно сел за стол, достал только что купленную ручку и начал делать на бумаге какие-то записи.

На следующий день он поднялся очень рано и принялся за уборку домика, отведенного под медицинский пункт. Он обегал всю деревню в поисках шкафа для лекарств, а ночью отправился за четырнадцать ли, в город, — доставать медикаменты.

...Весной мне пришлось на несколько месяцев уехать из Тайпинтуня. Вернувшись, я как-то встретил Ли Сы-сяньшэна у дверей ме-

дицинского пункта. Я его не сразу узнал. На нем была кепка, какую обычно носят кадровые работники, на ногах — резиновые туфли; белый халат аккуратно застегнут на все пуговицы. Он приветливо поздоровался со мной и пригласил зайти в приемную.

Комната была разделена на две половины: в западной стоял шкаф с китайскими лекарствами, в восточной — с европейскими, посредине — стол и несколько скамеек. На стене висел портрет Председателя Мао Цзэ-дуна, свежие газеты...

— Да, изменился Ли Сы-сяньшэн, — подумал я.

Однажды поздней ночью я возвращался домой с собрания. Августовское небо было усыпано звездами. С трудом разбирая дорогу — ночь была безлунной, — я шагал по деревне. Впереди маячили два темных силуэта. Чей-то голос, показавшийся мне очень знакомым, долетел до моего слуха.

— ... Правильно. Это и есть Марс. Смотри, как он сверкает! Сейчас он ближе всего к земному шару. Это бывает только раз в семнадцать-восемнадцать лет. А в газете я прочел недавно, что ученые разглядели на Марсе какую-то растительность. Вот чего сумел достичь в наши дни человек!

— Да ведь это Ли Сы-сяньшэн! — понял я.

— Как же они смогли это разглядеть? — спросил его собеседник, по-видимому, тоже старик.

— Э! Теперь у человека есть телескопы и разные другие вещи! Вот на прошлой неделе я был в уезде, — так мне показали микроскоп. Через него можно увидеть микробов, живущих в воде. Потому-то и говорят, что пить сырую воду опасно.

В этот момент я нагнал собеседников.

— А, это вы! — Ли Сы-сяньшэн засмеялся. — Целый день лечил больных, все никак до дому не доберусь. А сейчас мы с приятелем идем в Синьдянь за лекарством для его снохи. Ей нужен корень наперстянки. Когда вернусь, девять раз пропарю корень и девять раз высушу — тогда его можно принимать.

— Почему же вы идете пешком?

— Да я уж привык ходить по ночам. Это Марс? — спросил он меня.

— Да.

— Довольно близко от нашего земного шара! — слова «земной шар» он произнес с особым ударением.

Я сразу вспомнил, как в прошлом году Ли Сы-сяньшэн твердил: «Какой-токой шар?»

И вспомнив об этом, я улыбнулся. Поразительно изменился Ли Сы-сяньшэн!

Перевел с китайского А. Файнгар